

Рука / рассказ

Category: Goşgular, Kitapcy

написано kitapcy | 23 января, 2025

Рука / рассказ РУКА

Все окружили судебного следователя, г-на Бермюте, излагавшего свое мнение о таинственном происшествии в Сен-Клу. Уже целый месяц это необъяснимое преступление волновало Париж. Никто ничего не понимал.

Г-на Бермюте стоял, прислонившись к камину, и говорил об этом деле, приводя одно за другим доказательства, обсуждая различные мнения, но не делая никаких выводов.

Несколько женщин поднялись с места и подошли ближе, не сводя взгляда с выбритых губ судебного чиновника, произносивших важные, веские слова. Дамы содрогались, трепетали от мучительного любопытства, страха и ненасытной потребности ужасного, которая владеет женской душой и терзает ее, как чувство голода.

Когда наступило минутное молчание, одна из слушательниц, самая бледная, произнесла:

— Это ужасно. Это граничит с чем-то сверхъестественным. Здесь никогда и ничего не узнают.

Судейский чиновник повернулся к ней:

— Да, сударыня, весьма вероятно, что никто ничего не узнает. Однако слово «сверхъестественное», которое вы употребили, тут совсем ни при чем. Мы столкнулись с преступлением, очень ловко задуманным, очень ловко приведенным в исполнение и так умело окутанным тайной, что мы не можем постигнуть загадочных обстоятельств, при которых оно совершилось. Но мне однажды пришлось вести такое дело, в которое как будто действительно замешалось что-то фантастическое. Это дело пришлось, впрочем, бросить из-за полной невозможности внести в него какую-либо ясность.

Несколько женщин произнесли одновременно и так быстро, что их голоса слились:

— Ах, расскажите нам об этом.

Г-н Бермюте важно улыбнулся, как подобает улыбаться судебному следователю, и продолжал:

– Не подумайте, однако, что я сам, хоть на минуту, мог предположить участие в этом деле чего-то сверхъестественного. Я верю только в реальные объяснения. Поэтому будет гораздо лучше, если мы вместо слова «сверхъестественное» употребим для обозначения того, что для нас непонятно, просто слово «необъяснимое». Во всяком случае, в деле, о котором я собираюсь вам рассказать, меня взволновали прежде всего побочные обстоятельства, обстоятельства подготовки преступления.

Вот как это произошло.

Я был тогда судебным следователем в Аяччо, маленьком, белоснежном городке, дремлющем на берегу чудесного залива, у подножия высоких гор.

Чаще всего мне приходилось там вести следствие по делам вендетты. Попадались замечательные дела, драматичные до последней степени, жестокие, героические. Мы встречаемся там с самыми поразительными случаями мести, какие только можно себе представить, с вековой ненавистью, по временам затихающей, но никогда не угасающей совершенно, с отвратительными хитростями, с убийствами, похожими то на бойню, то на подвиг. Целых два года я только и слышал, что о цене крови, об этом ужасном корсиканском предрассудке, заставляющем мстить за всякое оскорбление и самому виновнику, и всем его потомкам и близким. Я сталкивался с убийством стариков, детей, дальних родственников, и голова у меня была полна таких происшествий. Однажды я узнал, что какой-то англичанин снял на несколько лет маленькую виллу, расположенную в глубине залива. Он привез с собою лакея-француза, наняв его по дороге, в Марселе.

Вскоре этот странный человек, который жил в полном одиночестве и выходил из дома только на охоту и на рыбную ловлю, привлек общее внимание. Он ни с кем не разговаривал, никогда не показывался в городе и каждое утро час или два упражнялся в стрельбе из пистолета и из карабина.

Вокруг него создавались легенды. Говорили, что это какое-то высокопоставленное лицо, бежавшее со своей родины по

политическим причинам, затем стали утверждать, что он скрывается, совершив страшное преступление. Даже приводили ужасающие обстоятельства этого преступления.

По обязанности судебного следователя я счел нужным навести справки об этом человеке, он так ничего и не узнал. Он называл себя сэром Джоном Роуэллом.

Я ограничился поэтому тщательным наблюдением, но, по правде говоря, за ним не было замечено ничего подозрительного.

Однако, поскольку толки о нем не умолкали, а наоборот росли, ширились, я решил попробовать лично повидаться с иностранцем и для этого начал регулярно охотиться неподалеку от его владения.

Я долго ждал благоприятного случая. Он представился, наконец, когда я подстрелил куропатку под самым носом у англичанина. Собака принесла мне дичь, но я тотчас же извинился за свою невежливость и попросил сэра Джона Роуэлла принять убитую птицу.

Это был очень высокий, широкоплечий человек, с рыжей шевелюрой и рыжей бородой, — нечто вроде смирного и воспитанного Геркулеса. В нем совсем не было так называемой британской чопорности; за мою деликатность он горячо поблагодарил меня по-французски, но с сильным английским акцентом. В течение месяца мне случилось разговаривать с ним пять или шесть раз.

Как-то вечером, проходя мимо его виллы, я заметил, что он курит трубку в саду, сидя верхом на стуле. Я поклонился, и он пригласил меня зайти выпить стакан пива. Я не заставил себя просить.

Он принял меня с педантичной английской любезностью, расхваливал Францию и Корсику и заявил, что очень любит «этот страна и эта берег».

Тогда я чрезвычайно осторожно и с видом живейшего участия задал ему несколько вопросов о его жизни, о его намерениях. Он отвечал без всякого замешательства и сообщил, что много путешествовал по Африке, по Индии и Америке. Он добавил со смехом:

— У меня был много приключений. O, yes!

Затем я перевел разговор на охоту, и он поведал мне немало

интереснейших подробностей об охоте на бегемота, на тигра, на слона и даже на гориллу.

Я сказал:

– Какие это опасные животные!

Он улыбнулся.

– О, нет! Самый скверный животное это есть человек. И он рассмеялся довольным смехом здоровяка-англичанина.

– Я много охотился на человек тоже.

Потом он заговорил об оружии и предложил зайти в дом посмотреть ружья разных систем.

Его гостиная была затянута черным шелком, расшитым золотом. Большие желтые цветы, разбросанные по черной материи, сверкали, как пламя.

Он объявил:

– Это есть японская материя

Но тут мое внимание привлек странный предмет, висевший посередине самого большого панно. На квадрате красного бархата выделялось что-то темное. Я подошел ближе: это была рука, человеческая рука. Не рука скелета, белая и чистая, но черная, высохшая рука, с желтыми ногтями, с обнаженными мускулами и следами запекшейся крови, похожей на грязь, причем, кости были обрублены посередине предплечья как бы ударом топора.

Вокруг запястья обвилась толстая железная цепь, заклепанная, запаянная на этой грязной руке, которую она приковала к стене с помощью кольца, достаточно прочного, чтобы удержать даже слона.

Я спросил:

– Что это такое?

– Это был моя лучший враг. Он приехал из Америка. Рука был рассечен саблей, и его кожа сорван острым камнем, и он сушен на солнце один недель. А-о! Это есть очень хорошо для меня эта рука.

Я прикоснулся к этому обрубку человеческого тела, принадлежащему, должно быть, какому-то великану. Неимоверно длинные пальцы держались на огромных сухожилиях, и на них еще висели лоскутья кожи. На эту ободранную руку было страшно смотреть, и, естественно, она вызывала мысль о какой-то мести

дикаря.

Я сказал:

– Этот человек был, наверное, очень силен.

Англичанин скромно ответил:

– А-о! Yes. Но я был более сильный, чем он. Я надел на него эта цепь, чтобы держать.

Я подумал, что он шутит, и сказал:

– Но теперь цепь не нужна, рука никуда не убежит.

Сэр Джон Роуэлл серьезно ответил:

– Она всегда хочет уходить. Эта цепь есть необходимая.

Я пристально взглянул на собеседника, спрашивая себя:

«Что это – сумасшедший или зубоскал?»

Но его лицо оставалось непроницаемо спокойным и любезным. Я заговорил о другом и начал расхваливать ружья.

Я заметил, однако, что на столе и на этажерке лежало три заряженных револьвера, точно этот человек жил в постоянном страхе, ожидая нападения.

Я заходил к нему еще несколько раз. Потом перестал бывать. Все привыкли к его присутствию и уже относились к нему с полнейшим равнодушием.

Прошел целый год. И вот однажды утром, в конце ноября, слуга разбудил меня и сообщил, что сэра Джона Роуэлла ночью убили.

Через полчаса я уже входил в дом англичанина вместе с главным полицейским комиссаром и жандармским капитаном. Растерянный лакей в отчаянии плакал, сидя перед дверью. Сперва я заподозрил этого человека, но он был невиновен.

Преступника так и не удалось найти.

Войдя в гостиную сэра Джона, я сразу же увидел труп, лежавший на спине посреди комнаты.

Жилет был разодран, один рукав оторван совсем; все свидетельствовало, что тут происходила ужасная борьба.

Англичанина задушили! Его почерневшее, раздувшееся и страшное лицо выражало безмерный ужас, стиснутые зубы что-то сжимали, а шея, на которой виднелось пять небольших ран, как будто нанесенных железными остриями, была вся в крови.

Вскоре к нам присоединился врач. Он долго рассматривал

отпечатки пальцев на теле и произнес странную фразу:

– Можно подумать, что его задушил скелет.

Дрожь пробежала у меня по спине, и я взглянул на стену, где когда-то видел ужасную руку с ободранной кожей. Ее там больше не было. Висела только разорванная цепь.

Тогда я наклонился над мертвецом и увидел в его сведенном рту один из пальцев этой исчезнувшей руки, который он отгрыз или, вернее, перепилил зубами как раз на втором суставе.

Затем началось следствие. Оно ничего не дало. Не были взломаны ни двери, ни окна, ни столы, ни шкафы. Обе сторожевые собаки не просыпались.

Вот в нескольких словах показания лакея.

В течение последнего месяца его хозяин казался взволнованным. Он получал много писем и сжигал их.

Часто он брал хлыст и в ярости, чуть ли не безумной, неистово бил им эту иссохшую руку, прикованную к стене и неизвестно как исчезнувшую в самый момент преступления.

Он ложился очень поздно и тщательно запирался. Оружие всегда было у него наготове. Нередко он громко разговаривал по ночам, словно с кем-то ссорился.

Но как раз в эту ночь у него в спальне не было никакого шума, и только утром, открывая окна, слуга нашел сэра Джона убитым. У него не было подозрений ни на кого.

Я сообщил судейским чиновникам и полиции то, что знал о покойном, и на всем острове произвели тщательные розыски. Однако ничего не нашли.

Но вот однажды ночью, месяца через три после преступления, у меня был страшный кошмар. Мне казалось, что я вижу эту ужасную руку, вижу, как она бежит по моим занавескам, по моим стенам, словно скорпион или паук. Три раза я просыпался, три раза засыпал снова, и три раза я видел, что этот отвратительный обрубок бежит в моей комнате, шевеля пальцами, как лапками.

На следующий день мне принесли эту руку, найденную на могиле сэра Джона Роуэлла, которого похоронили на кладбище в Аяччо, так как не могли разыскать его родственников. Указательного пальца на руке не хватало.

Вот, сударыни, и вся история. Больше я ничего не знаю.

Ошеломленные женщины были бледны и дрожали. Одна из них воскликнула:

– Но ведь это не развязка и не объяснение! Мы не будем спать, если вы нам не скажете, что же там, по вашему мнению, произошло.

Чиновник улыбнулся и сказал серьезно:

– О, сударыни, я могу только испортить ваши страшные видения. Я просто-напросто думаю, что законный владелец руки не умер, что он явился за нею и отнял ее единственной оставшейся у него рукой. Но как он это сделал, этого я не мог дознаться. Это своего рода вендетта.

Одна из женщин пробормотала:

– Нет, быть этого не может, тут что-нибудь не так. А судебный следователь, улыбаясь, заключил:

– Я же говорил вам, что мое объяснение вас не удовлетворит.

* * *

Напечатано в «Голуа» 23 декабря 1883 года; это переработка одной из ранних новелл Мопассана «Рука трупа» (см. в X томе, в сборнике «Мисти»).

Один из биографов Мопассана сообщает о «Руке трупа»: «Эта мрачная новелла была навеяна Мопассану самой настоящей ободранной рукой, сморщенной и почерневшей, которая висела в его рабочем кабинете и наводила великий страх на посетительниц» (Georges Dubosc. Trois Normands, Rouen, 1918, p. 232).

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 4. МП «Аурика», 1994

Перевод Н.Костовской. Goşgular